

ИЕРУСАЛИМ, А НЕ АФИНЫ

Вышло в свет новое издание книги члена ред. совета журнала «Идеи и идеалы» Н.К. Гаврюшина. Русское богословие. Очерки и портреты. Нижегородская духовная семинария, 2011. 672 с.

Книга «Русское богословие. Очерки и портреты» – второе издание, однако значительно расширенное; добавлена примерно треть от общего объема книги – одноименного сочинения, вышедшего в 2005 году. В новом издании, по словам автора, появилось много новых портретов как мыслителей XIX, так и XX века, о которых до сих пор не было очерков, эскизов, создающих их образ, раскрывающих их значение для современного религиозного сознания. Это, в первую очередь, протопресвитер Александр Шмеман и известный историк науки и философии Василий Зубов. Кроме того, в новом издании появился обобщающий очерк русского богословия в форме эссе «Силуэты богословских академий», где автор попытался обобщить принципиальные тенденции русской богословской науки.

Из Предисловия к первому изданию:

«Русское православие не слишком интеллектуалистично. Доказывать это – значит ломиться в открытые двери. В бурсацкой аудитории неизменным восторгом встречают цитаты из Иоанна Вишпенского:

“Мы, глупая Русь, – обращался он к католикам, – вашего костела разума и хитрости не хотим, а на ваше жродло поганских наук, которое славу света сего гонит, не лакомимся <...> Будьте себе, мудрыи латиниче, за своєю верою и мудростию кроме нас; мы же с своєю верою и апостольским глупством кроме вас” ...

И симпатии, по крайней мере части русского монашества, ко Льву Шестову объясняются именно его критическим настроением к амбициям умозрения, каковое не только ему казалось иноприродным Откровению.

Мудрость для Руси всегда была выше разума, и Иерусалим – что бы там ни фантазировал Серебряный век – бесконечно дороже Афин.

Древнерусская философская и богословская книжность вполне укладывается в парадигмальную созерцательность и иконопочитательность восточно-христианской культуры и даже дополнительно ее оттеняет. Усиление же в ней рефлексивного элемента в значительной мере следует за западными влияниями, которые становятся особенно ощутимыми после падения Византии.

Само осознание новой зависимости происходит медленно, ровно до тех пор, пока она не становится государственно утвержденной нормой при Петре I.

Но все же церковно-общественная ситуация порой так обострялась, что богонаученные самородки – ибо школы как таковой не было – принимали ее вызов и оставляли образцы подлинно самостоятельной богословской рефлексии: в XVI веке – Зиновий Отенский и Иван Висковатый, в XVII – Епифаний Славинецкий и Евфимий Чудовской...

Вслед за Киевом в Московском государстве появилась школа, стало быть, и схоластика. Что в ней было от живого богословия, а что от богословской риторики с экскурсами в корнесловие – вопрос отдельный. Здесь надо следить за нюансами и полутонами, как практически и почти во весь XIX век, вплоть до отмены цензуры.

Конечно, сердечное слово оставалось за литературой: «пророческое призвание» Достоевского (и отчасти Хомякова) для русского академического богословия сомнению не подлежит.

За четверть века до революции 1917 года «верующий разум» в России сумел сказать о многом строгим научно-богословским языком, хотя расслышать его за грохотом войн, индустриализаций и коллективизаций было едва ли возможно. Трудно сказать, хватает ли у нас к нему внимания сейчас.

Настоящая книга – не учебник, а свидетельство личного восприятия и осмысления отдельных эпизодов русской богословской науки. Но складывалась она в ходе многолетнего общения со студенческой аудиторией, в стремлении уловить насущные для нее вопросы и предложить пути их решения, не догматизируя ответов.

Как само собой разумеющееся автор предполагал, что его построения будут восприниматься в контексте известных работ Н.Н. Глубоковского («Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии», 1928) и протоиерея Г.В. Флоровского («Пути русского богословия», 1937) и как известное дополнение к ним. К сожалению, не раз приходилось убеждаться, что о существовании первой не знают даже многие выпускники духовных школ, а вторая читается редко, ибо трудна и немногим по зубам.

...Надо признаться, по глубокому убеждению автора, подлинное лицо русского богословия ими не столько раскрывается, сколько порой затеняется и даже искажается. Отсюда и стремление дать крупным планом тех, кто непременно должен войти в круг мысленных собеседников представителя русской богословской традиции. Это, в первую очередь, митрополит Антоний (Храповицкий) и патриарх Сергей (Страгородский), мученик Иоанн Попов и С.В. Троицкий, а также – зачастую парадоксальный и резкий, но искренний и глубокий – М.М. Тареев».

Основные идеи книги по поводу соотношения философской и религиозной мысли представлены в первой части книги «Очерки» – в очерке «Силуэты духовных академий».

«Между тем, философия была нужна духовной школе как воздух, ибо только в ней разум мог оправдать веру. Вера без разума вырождается в ритуализм, магизм и суеверие; Церковь – в орудие господства и управления. Против такой веры и выступил в свое время протестантизм, порвавший с преданием католицизма. Но он не нашел оправдания в разуме, ибо изъял веру и Писание из истории. Новая философия, начиная с Декарта, ищет разумных оснований веры, стремясь занять непредвзятую, беспредпосылочную точку зрения, то есть как бы игнорируя пространство-время христианской культуры. Это – благочестивый самообман. Но уже в лице Гегеля и Шеллинга философия принимает исторический характер. Предметом осмысления становится не только дух христианства, но и его судьба...»

В вопросах о соотношении веры и разума, науки и религии русская апологетика заметно отстает от времени. Борьба с ари-

стотелизмом в философии и методологии науки на Западе потеряла свою актуальность уже во второй половине XVII века, а в России этим самым перипатетизмом пытались защищать веру против новейшего естествознания в 40-е годы XIX века. ...

Не только философия должна была стать исторической. Библейский историзм, библеистика нуждались в критицизме – философском и филологическом. И XVIII – начало XIX века ознаменованы подлинным ренессансом этой науки, равно как и церковной истории...

Историзм как форма критицизма – это отдельная тема. Он действительно шел впереди и в русской духовной школе. Но нередко углубляясь в такие детали и частности, что связь с богословием терялась из виду... Философия была к нему ближе и могла теоретически выполнять роль связующего звена. Историзму надо было стать философичным, философии – исторической.

К освобождению от догматизма и конкретному историзму духовно-академическая философия продвигалась очень медленно и трудно. Но все же движение было налицо...»

* * *

«Представление об истории как непрерывном торжестве “неодолимой благодати” или Промысла Божия, фактическое историософское монофелитство рано или поздно должно было уступить место трагическому пониманию христианской теодицеи, раскрытию истории как непрестанной Голгофы, венчаемой не внешними победами государственных или церковных институтов, а исключительно нимбами праведников. Такая история безбоязненно разоблачает псевдоэпиграфы, надуманные

чудеса и мнимо благочестивые суеверия, вскрывает политические и личные мотивы исторических деяний, без боязни очернить план Домостроительства Божия».

* * *

«Нравственно-психологическому направлению в богословии должно было отвечать не схоластико-юридическое и не командно-административное учение о Церкви. И оно действительно появилось, но только в середине XX века. Евхаристическая экклесиология протопресвитера Николая Афанасьева нашла живой отклик практически во всем православном мире и за его пределами.

Речь, конечно, не идет о совершенной бесспорности его построений, но – о важнейших ориентирах, акцентах на служении (деятельности), а не на онтологических состояниях, на братском евхаристическом общении, а не на управлении, вообще о возвышении духовно-деятельностного принципа по сравнению с мистериально-правовым.

Вполне закономерен вопрос, в какой мере это учение было подготовлено предшествующим развитием духовно-академической науки? Борьба со схоластическим юрисдикционизмом в догматическом богословии должна же была найти отголосок в понимании сути церковного организма...»

Вторая часть книги – «Портреты» – посвящена крупнейшим мыслителям-богословам XIX–XX веков святителю Иннокентию, Ф.А. Голубинскому, А.С. Хомякову, митрополиту Антонию (Храповицкому), о. Павлу Флоренскому, о. Сергию Булгакову, патриарху Сергию (Страгородскому), о. Александру Шмеману и др.

При этом автор глубоко и интересно обсуждает наиболее актуальные про-

блемы современного российского сознания. В частности, в его отношении к западной культуре. Например, в портрете о. А. Шмемана Н.К. Гаврюшин пишет: «Он периодически задумывается о каком-то коренном, так сказать, “безвыходном” благополучии, присущем христианскому Западу, может быть, лучше сказать, – неисправимой “буржуазности” западного христианства». В «гладких церемониях» отсутствует переживание трагедии, эсхатологического напряжения и радости одновременно.

«Может быть, это и есть основное духовное свойство всякой – в том числе и религиозной – буржуазности: закрытость к “трагизму”, на который обрекает, так сказать, само существование Бога <...> И, может быть, действительно “бедность” – центральный символ. И не в экономическом факте “бедности”, а в самом подходе к ней, к восприятию ее. Запад решил, что

христианство призывает к борьбе с бедностью <...> И на это уходят все силы души... А христианский призыв совсем, совсем другой: к бедности как свободе, к бедности как “знаку”, что душа ощутила и восприняла невозможный (и потому для мира – трагический) призыв к Царствию Божьему...»

Вся эта тирада выдержана в славянофильской тональности, ее увенчивает неопровержимая максима: «не была Византия “буржуазной”»... Но следует ли отсюда, что можно вполне забыть о неустранимом феодализме восточного христианства, равно как и о нищенствующим монашеских орденах Западной Церкви, возникших в эпоху эсхатологических ожиданий...

Для приобретения книги нужно обратиться в Нижегородскую духовную семинарию по адресу: 603001, Россия, Нижний Новгород, ул. Похвалинский Съезд, 5.